

Часть 4. УЧЕБКА. ФЛОТ (Совгавань. 1969—1971 гг.)

«**В**ахтенный у конца матрос Фома! Ты, идиот, не представляешь, наверное, что для меня значат твои и Вовкины письма. Это я заключил из того, что ты мне редко пишешь. О, как я был обрадован, когда сегодня получил письма от тебя и от Тamarки. От нее тоже долго не было. Встретимся в 1972, всем отомстим за бутылкой вишневки. Я буду пить со злобным

---

¹ Первую публикацию осуществил литературный альманах «Глаголь» (Париж), 2021, № 13

ожесточением. Ты не ругайся тогда на меня. Боже, как долго ждать этого дня. Но он наступит!!! Черт побери. Когда-то да наступит. Нет, ты представляешь этот день? Ты ничего не представляешь. Это будет грандиозно. Все люди исчезнут. Женщины тоже. Они не способны это понять. Останется одна голая планета и мы, трое. Все будильники мира гряньте и умолкните. Тост произносит Я. Вы знаете, кто я? Я не Негорро, я Себастьян Перейра. У меня на борту 40 бочек вина. Это молодое кахетинское вино. Вы не бывали в Северной Кахетии. Необычайное волнение стеснит мою грудь. Только один на один при помощи ругательств я могу объяснить мое состояние. Это будет торжество. Над всеми эсминцами, старпомами, боевыми тревогами и швартовыми. Ты знаешь, Миша, вчера 9 месяцев, как я на флоте, а романтики военно-морской я не чувствую. Все подавляет отсутствие свободы. Это нельзя заменить ничем. И на меня это очень скверно действует. Может, когда стану "годочком", что-то проклянется. Я сегодня вспомнил, как разгибают загнутые уголки страниц книги, которую возвращаешь владельцу, прочитав. Я это не делал скоро год. Год! Пишу тебе письмо в Центр. артпосту. Сегодня Флагарт (кап. 2 ранга) принимал экзамены на классность. Полный завал. Крыл матом. Нормальный мужик. Я, правда, не сдавал. Об отпуске думать рано. Отличиться пока не удастся. Все-таки эсминец. Толпа большая. Ты там намекни родителям об этом. А если очень ждут, то лучше не надо. Тамарка пишет, что твой адрес в/ч 60030. Ты действительно кочуешь по морям. Недели 2 назад получил письмо от Вовки Ж. Необычайно совершенная проза. Я ему советую заняться всерьез. Ты напиши, что там у тебя дома творится. Мать писала, что ты на месяц в отпуск по семейным обстоятельствам ездил. Ну ладно. Ты пиши мне, прошу тебя, почаще и подлинней. Я думаю, должен понять, не Вовка же Ж-ский. И ему тоже передай. Пришли мне какие-нибудь стишата. Тамарка писала, что ты ей высылал, понравились. Не забудь. Шибко прошу. Здорово я по твоей морде соскучился. Тамарка пишет, что ты стал серьезнее, когда не юродствуешь. Обязательно шли фото. Подпись».

«В общем, кое-что мне ясно. Если бы мне сказали, что я здорово изменился, я бы первым делом поинтересовался: а в каком

смысле? Для тебя, очевидно, естественно, что изменения могут происходить только физические. (Он саркастически улыбнулся.) Потом, это жаждущее крови лицо, злое лезвие штыка, и вдобавок ко всему похабное изречение: "Я хочу, чтоб к перу приравняли мой штык". Стыдно, граф, стыдно... Ха-ха. Морячить 235 лет. С таким взглядом запросто можно попасть в сундуки (*сверхсрочник, контрактник*). А это гибель индивидуальности, разложение личности, интеллектуальная смерть. Неужели тебя устраивает такая мрачная перспектива — погибнуть интеллектуальной смертью? Это ужасно, поверь мне. Лучше получить пулю "дум-дум" в живот с расстояния 1 метр. Что касается любви к нашим кораблям, то она безгранична, да, это так. Я люблю свой корабль от клотика до той пайолы, за которой начинается трюм. Не иначе. Правда, я уже давненько там не был, уже начинаю думать, что отходил свое. Возможно, придется познакомиться и со злополучными цистернами. Это если станем в капремонт. Весной, может, пойдём на Камчатку. Мы же тамошние. Номер моего парохода 444. Ребята вспоминают Камчатку как самые радостные минуты жизни. Здесь смотры и проверки нас достали. Стоим у стенки и отрабатываем разные К-1, учение по расп. дня. Представляешь? Правда, увольнение здесь нормальное. Вовка Ж-й пишет, Ким (Семенович), подпитой, спрашивал, возьмет ли он к себе его сына "вывести в люди", ну, в смысле, что Вовка — не ниже профессора (*ЛГУ, ф-мат*), а сынок Кима абитуриент. В общем, я сомневаюсь, что Вовка сделает себе карьеру. Это я сужу по его письмам. Парень-то он, конечно, умный, но бардак у него внутри. Вовка пишет, что вот если бы пришла "она" и повела его... Он бы "пошел, пополз, обдирая коленки". По его теории, мужчина должен пронести любимую женщину на руках не менее 500 метров. Я конец твоего письма не понял. О какой счастливой паре ты говоришь? Я же должен знать, за что пить. Если тебе будет светить перевод в Совгавань, то лучше прикинься идиотом, дебиллом или выбей себе 7 зубов. Это я тебе точно говорю. Соскучился я по твоей морде. А как же должна страдать по тебе любимая женщина! В какой ты БЧ? Или РТС? Ты все-таки пришли что-нибудь военно-морское. Подпись».

«Сейчас у нас кубрик красят, поэтому мы на постах. Порубал, пришел и завалился у себя в агрегатной. Ловлю кайф. Для моего счастья мне не хватает душистой сигары и рюмки коньяку. У тебя не было никогда такого ощущения, что для полного счастья не хватает рюмки водки? Да-а-а. Я слышал, что Вы с некоторых пор весьма равнодушно, даже с небезызвестной пренебрежительностью относитесь к подобного рода напиткам. А еще я слышал, что Вы стали намного серьезней ("когда не юродствуете"). В таком случае побольше юродствуйте. А ты помнишь, какой колотун был, когда мы плыли по Чумышу вниз на плоту? Жигульский, ты и я. Это было на Марсе, лет 20 назад. Я тогда одурел от холода. Если бы я знал, что буду примерзать к переборке по ночам, бичуя по Красноярскому краю. Через месяц я напишу тебе письмо на испанском. Ты не против? "Через 5 минут в кубрике номер 5 состоится демонстрация фильма" (по внутренней связи). Через 5 минут я скончаюсь в агрегатной от недостатка кислорода и избытка железа. Все».

«Буэнос Диас! Я надеюсь, что ты получишь мое письмо в первой половине дня и поэтому пишу Д и а с, если после обеда, то будет Тарелез, если ночью, то Нохез. У испанцев три приветствия, а просто "здравствуйте" нет. Я тебе писал, что в перерывах между вахтами я занимаюсь испанским? Легкость произношения, отчетливая артикуляция и выразительность выгодно оттеняют этот мужественный язык этого мужественного народа на фоне немецкого, остатки которого я, по-видимому, напрасно стараюсь выкинуть из своей "запрокинутой головы". Это одно. А во-вторых, я хочу предпринять небольшой вояж в Испанию. В последнее время по ночам меня мучит ужасная боль в районе тазовых костей, клетки которых, как известно, не восстанавливаются. Друзья советуют мне отдохнуть, съездить в Испанию, половить форель, посмотреть корриду, окунуться в буйное веселие фиесты. Так я, наверное, и сделаю. Ты знаешь, что каждые 100 гр. 40% алкоголя уничтожают 10.000 нервных клеток, которые, как известно, не восстанавливаются? Так вот, я говорю: не плохо бы угробить этих клеток тысяч 50, а? "Но с угрозой гудят столбы, злые вести

несут провода". А что нас ждет там, на гражданке? Суета. Так не лучше ли лечь костыми в этом суровом и живописном краю. Золото по-испански Д о р а д о».

«Здорово! Так получилось, что пятерку мы приговорили надлежащим образом (*я выслал 5 рублей из своих, старшинских*). Я думаю, ты не пожалеешь об этом. Так что я высылаю тебе только тот конверт, который ты разорвал. Впрочем, не знаю. Ты скажи своему Опанасюку (*Панасенко, рулевой*), или как его, чтобы он не заговаривался относительно Вл. Вл. Маяковского. Ты не пробовал пробить "Боевую вахту"? Я присоединил к своей коллекции еще один изящный конвертик (*слал стихи, отказали*). Какой-то кап. 2 ранга Ремизов. Нормально. Ну-с, хаста ла виста!

Стихи о трех китах

Сначала мир стоял на трёх китах.
Потом весь мир смеялся над китами.
Потом и смех рассыпался во прах,
И только грусть летала над волнами.
И были смерчи тёмные, как злость.
Потом и злость в цене возродожила.
Земля, летя во тьму, воображала
В себе несуществующую ось.
Ей было так удобней во сто раз
Лететь во тьме, не знающей границы.
И солнце восходило каждый раз,
Как будто глаз, покинувший глазницу.
Так мчались, в неосознанной борьбе,
В мучительном порыве расчленяя
Пространство, свет и время обгоняя
И проклиная логику дробей.
Уже не оставалось ничего,
На что бы можно было опереться,
И человек с огромной головой

Почувствовал сжимающимся сердцем,
Гуляя в ботаническом саду,
В аллеях синтетического сада,
Себя как в ботаническом аду,
Пророком синтетического ада.
И слава богу, что у нас не так,
Что я смеюсь, и рядом плещет море,
И я лежу на тёплом косогоре,
Как на спине плывущего кита.

Сонет

Зачем собака лезет на плечо,
Отбившись от знакомых ей собак,
И в ухо объясняет горячо,
Как ей противно общество собак?
Зачем, сомненья обмотав плащом,
Иду опять один курить на бак?
Зачем тоска оранжевой свечой
Стоит в глазах знакомых мне собак?
Да так ли нам прибавило забот,
Чтоб стал таким мучительный забег,
Когда совсем немного до конца.
Но все же неприятно: что за бог
Проносится там слева, как забор,
И пляшет где-то сбоку, у лица?

***

Он слышал, как растёт трава,
И как струится пар над лугом,
И на виске его упруго
Трепещет жилы тетива.
Как с дерева сорвался лист,
И стал снижаться, колыхаясь,
То падая, то приближаясь,

То отдаляясь от земли.
Как медленно пробил удар,
В густой траве кузнечик где-то,
И как тяжёлая планета,
Вращаясь, падала туда,
Откуда вечное тепло
Животворительно струится,
И в небесах повисла птица
С застывшим наискось крылом.
И в воздухе звенит томительно,
Застывший миг, застывший звон...
Вдруг покачнулся и стремительно
Пред ним вздыбился горизонт.
И ринулась в глаза земля
Ему размазано и пёстро,
И грязно-серые поля,
И, как размытые, берёзы.
И, вскрикнув, птица понеслась,
Замкнув стремительно в окружность,
Как свист, стремительный полёт.
В траве кузнечик, встрепенувшись,
Загрохотал, как пулемёт.
Волчком, стремительно вращаясь,
И из-под ног летела вон планета,
К солнцу возвращаясь,
И всё кренился горизонт.
И лист, стремительно сорвавшись,
К земле помчался, как в пике,
И жила билась, надрываясь,
Как в судороге, на виске.

***

Приливы лениво сменяли отливы,
И волны о берег тихонько стучали,
И чайки на тоненьких нитках качались
Над зеркалом тусклым пустого залива.

Забуду. Заброшу. С обидой. С обманом.
Перроны пустые, пустите, пустите!
То голову кружит тайным дурманом,
То веки, сожжённые солнцем пустыни.
Весь мир, до травинки, потрогав руками,
Усталому, да, от метелей и вёсен,
Где-то в Сибири седыми висками
Мне голову стиснет последняя осень.
Погашены свечи, захлопнута книга.
Закрою глаза, и как будто случайно,
Появится чайка из солнечных бликов,
И будет качаться, качаться, качаться
На тоненькой ниточке бледного крика.

Ветер

Упал из неба, раздвинув тучи,
Толкая волны ударом резким.
В зелёных лапах мотал и мучил
Обезумевший от качки крейсер.
За горизонты отбросив громы,
Ходил по крышам из гулкой жести,
И, насладившись слепым погромом,
Швырнул корабль небрежным жестом.
В тоску залива прошёлся валом.
И всё, что может упасть, упало,
И всё, что можно сорвать, сорвалось
В чистую воду с гудящих палуб.
И сразу чайки упали в ямы,
Подбросив в небо косые стоны.
Гюйсы и флаги стояли прямо,
Как будто вырезанные из картона.

Скорость. Подражание гонщику

Сжигая кожу щёк, ломая кисти рук,
А я кричу: «Ещё!» — на бешеном ветру,
А я кричу: «Давай!» — и снова — по газам,
И в глотку мне слова запихнуты назад.
На скованном лице в гримасу сдвинут рот.
И фара пьёт шоссе в себя, наоборот.
Цилиндры — ветра жгут, пространство — по полям,
Захлебываясь, жрут с бензином пополам.
А леса бледный жар размазан у виска,
И двигатель, зажатый в потных кулаках,
Дрожит, как пулемёт, оглохнув от пальбы,
И вскрикнувшие телеграфные столбы
Отброшены с пути, и только встречный МАЗ
Распущенно летит в упор, в сетчатку глаз.
О, если бы уметь, вот так стихи писать,
Как, обгоняя смерть, на вираже свисать,
Почти припав плечом к горячему асфальту!»

«Петропавловск-Камчатский, в/ч 81221, Коновальчуку-Карамазову. Поздравляю Вас с наступающим Новым, третьим годом! В бочке слева — гнилой апельсин. Примите мэры. Лелик (*открытка, поздравление с третьим годом службы, 71-м. Открыточка, конечно, попала в Особый отдел, случился напруг, но подозрение в шифровке вскоре развеялись, и все только посмеялись*). Совгавань. Эсминец "Бесшумный". Здравствуй-те, Миша! С глубоким сожалением спешу сообщить Вам, что я еще жив. Самое последнее занятие, да? Наслаждаться тем, что жив. По вечерам я сажусь в венское, под белым чехлом, кресло, протягиваю худые ревматические ноги к камину, набиваю голландскую, с длинным мундштуком трубку турецким табаком, правая рука моя безжизненно лежит на белом, миниатюрном, "под Мюрата", столике, на котором очередная бутылка пуэрториканского рому, левая ласкает точеный, покуренный чубук. Я курю, пью ром, который жжет нёбо и оставляет после себя запах шоколада, и наблюдаю священную пляску огня. Когда

ночь недостаточно черна, заменяю ром подогретым портвейном... золотистым фундадором, заворачиваюсь в старый рыжий плед и долго сижу так, стараясь ни о чем не думать и следить, чтобы портвейн оставался достаточно теплым. И не слишком горячим, потому что нет ничего отвратительнее горячего портвейна и слишком холодных женщин. "А где-то далеко, за тысячи километров, в пустынном мире, человек смотрит, как по небу ползет холодное белое солнце, и думает лишь о том, чтобы умереть быстрее, чем шлюпку начнет заливать вода". А мимо плывет скалистый, поросший соснами берег. Ночью прошел снег, он лежит на деревьях и на скалах. И только там, где волны ударяются о берег, камни свободны от снега и блестят на солнце. Ему стало совсем тепло. Его так и не заряженный автомат лежал рядом. На его черной, вороненой поверхности каплями собиралась вода. Он лежал, как красивая игрушка. Красивая, дорогая игрушка, еще теплый от стрельбы. Но это все детали. Детали быта, как говорил Ося. Нам было грустно, что вы скончались такой тяжелой смертью, в "страшных судорогах". Нам очень тяжело это слышать, ибо высшее наслаждение в жизни — легко умереть. Легко умирают поэты. Им дано высшее наслаждение в жизни — легко умереть. Потому что они поэты. Тяжелой, мучительной смертью умирают государственные деятели, маститые прозаики, полководцы, все, кто в своих мыслях и делах вознеслись к тем прекрасным, недостижимым вершинам, с которых взируют на жизнь и смерть поэты. Все, кто не сумел научиться любить землю, видеть особый смысл в глубинах слога, все, кто не смог вырваться из оков обыденности, кто не увидел в жизни больше, чем видит объектив фотоаппарата, — все они умирают тяжело и мучительно. Над ними тяготеют ненаписанные книги, невысказанные мысли, которые не стоят в итоге выеденного яйца. Они не увидели другой жизни, в которой царят законы другой логики, и в которой еще живо понятие достоинства и чести. Хорошо быть только поэтом и не более (когда говорю "поэты", я не имею в виду поэтов). "А по палубе, осторожно пробираясь среди обломков и трупов, легкой, непринужденной походкой шел высокий странный человек. На голове его сверкал испанский шлем. Кираса из вороненой стали была богато украшена арабесками". Пускай

все-таки еще полтора года твое сердце не перестает биться, мы еще пройдем по улицам нашей юности. Мы будем красивы, юны и элегантны. Женщины при виде нас будут прыгать на заборы, а мужчины прольют недопитое пиво на свои новые костюмы. К этому времени, к моему приходу, Вы хоть из-под земли достаньте бутылку "Пуэрто-Рико ром", и за этой бутылкой я объясню вам, в чем заключается смысл жизни, и это нужно сделать, чтобы перенестись в двухмерный мир. Остаюсь искренне Ваш: подпись. «Я вышел весь до жвака-галса, как ветер в весте, я поломался»».

«Сэр! Принимая во внимание Вашу духовную связь с бывшим телом погибшего покойника, нижеследующим сообщаем Вам, что бывший специальный корреспондент нерегулярного литературного журнала "Суматра", а также резидент трех разведок (далее следует перечисление различных чинов, наград и должностей "тела погибшего покойника", среди которых и Орден лейтенанта Шмидта), почетный клипер-капитан Флота Ее Величества, автор романа "Косяки и двери", "И садится солнце", научно-популярных статей "Физическое обоснование сущности судьбы", "К вопросу об уплотнении пространства", "Иисус Христос и физическое обоснование религии", автор "Открытого письма поэту Роберту Рождественскому", автор нескольких циклов стихов, первый призер Франции по свободному фехтованию 1969 года, Александр Викторович Ерёменко, известный в неофициальных кругах под кличкой "Нежный", в ночь с 12 на 13 января 1971 года скончался от разрывной пули "дум-дум" в живот на борту чайного клипера "Катти Сарк", следующего из Монтевидео в Южную Каролину, между 53 и 63 шпангоутами правого борта при выполнении очередной операции по перевозке контрабандного опия, так и не увидев света. Тело покойного торжественно захоронено в Сантьяго, местечке ла Гранха, близ костела де Компостелла, на любимой им испанской земле. Телу были отданы почести в соответствии со званием и должностью. Кираса и личное оружие покойного переданы в Национальный музей в Памплону.

Личные сбережения покойного будут употреблены на открытие школы диверсантов разведки "Булон де Пари" и финансирование литературно-художественного журнала "Суматра"

в соответствии с завещанием. Дневники и бумаги покойного передаются в редакцию вышеозначенного журнала. Последние просьбы покойного удовлетворены и исполнены¹ (подписи: Фред Манчестер, Мигуэль Даньтегос, Себастиан Перейра)». Получение письма и дата его отправки редко совпадают, так как адресат менял корабли (в/ч) и адреса.

А что было между двумя этими кадрами, мало кто знает, да и знать-то зачем? А о. Русский отличался особой жесткостью в подготовке флотских кадров. На острове имелось несколько "заведений", мало оцененных в отечественной военной истории, от Холуая до Дисбата, все это: и диверсионная школа, и военная тюрьма, и школа оружия, и местная Гауптвахта — все это было всерьез и надолго. Этим серьезно и долго мы занимались, жили этой жизнью, жили, словно на другой планете. "...старшина роты, по виду 40-летний мужик с чапаевскими усами, в свои 22 года с повадками старого морского волка, входит в роту под команду "...ирррно!". Все застывают. Он проходит вдоль строя. Неожиданно останавливается. Кажется, он видит на полу (всегда говорили только: палуба) спичку! Он потрясен, он оглядывает

---

¹ Это значило, что X-а призвали в армию, т. е. на флот и находился он на о. Русском, в школе оружия. Сам автор этих строк уже прошел учебку (школу) и получил "распределение" на корабли Камчатской флотилии. С первых дней существования в учебном отряде можно было и нужно было забыть все, освободиться от прошлого, так было легче, началась новая жизнь, которая категорически отличалась от предыдущей и никак не совпадала с нашими представлениями о службе вообще. Для многих это был ад. Ничего в этом романтического не было, была ломка "через коленку" самонадеянных юнцов, из этого материала строились военные специалисты для нижнего звена флота. Чтобы понять, как шла подготовка курсантов на о. Русском, нужно всего два кадра:

1. На остров доставили партию новобранцев, человек сто расхристанных юнцов, оборвавшихся в пути, пропившихся, передравшихся, голодных и злых.
2. С острова уходит рота "коробочкой" 10x10, строевым шагом, вышколенных, подтянутых, спортивных молодых матросов, флотских специалистов.

оцепеневший строй с омерзением и ужасом. Все краем глаза смотрят на несуществующую спичку. И она начинает существовать, так как старшина наклоняется и берет ее, воображаемую, двумя пальцами, брезгливо оглядывает строй, и спрашивает дневального: "Что это? " Тот в растерянности. "Два наряда на работы!" — говорит старшина и спрашивает у "шкентеля": "Что это? " "Спичка!" — выкрикивает тот бодро, разглядывая воображаемую спичку. Старшина пронесит спичку сквозь строй, чтобы все ее рассмотрели. "Как вы могли допустить такое в казарме? Вы уже совсем оборзели, скоро окурки будете бросать под ноги? Что будем делать? Отвечай!" — спрашивает он у первого попавшегося ему на глаза, тот не знает, как поступить с воображаемой спичкой, не учили его этому ни в школе, ни дома. "Хоронить!" — подсказывает старшина. И начинается потеха. Спичка кладется на одеяло, четверо курсантов берут его за концы и несут к выходу. Остальные выбегают за ними, разбирают лопаты, и строй, по четыре в шеренге, бодро выбегает на дорогу, ведущую к жидкому лесу с истерзанными ветрами деревьями. Километров через пять поступает соответствующая команда и, сменяя друг друга, взводит яму, могилу 4х4 и глубиной метра 2. Старшина аккуратно берет спичку и под скорбные вздохи (всем скорбеть! снять головные уборы!) опускает ее на дно могилы. Иногда исполнялся похоронный марш на расческах, но это по праздникам, для бодрости. Потому бытует такая поговорочка: «Кто на флоте служил, тот в цирке не смеется». И так далее...

«Прошу извинения за плохую бумагу. Вы на портрете похожи на И. В. Сталина. Верхней частью лица. И еще на французского Поэта. И вообще, с грустью отмечаю, что Вы здорово сдали. Какие-то одутловатости на лице.

Мы большие и маленькие, мы качаемся плавно,
Мы не люди, мы маятники, это самое главное.

Если вы действительно хотите ко мне приехать, то нам нужно договориться о некоторых деталях. (Я имею в виду вояж в Сов. Гавань, на берега Императорского залива). Можете ли Вы точно

назвать дату? Я должен как-то к этому подготовиться. Обеспечить увольнение. (Заранее прогнуться). И вообще, подготовить почву. Жму Вашу (Все эти обращения на Вы, жантильные манеры были взаимным выдрючиванием друг перед другом и окружающими, работой на публику, выпендрожем) руку.

Я каскадёр, я дегустатор риска,
Меня не просто выбить из седла,
Когда со скал срываются артисты,
Не думайте, что это чучела.
Нет, это мы. Азарт погони?
Блажь? Над пропастью гарцующие кони...
Но профессионально я спокоен,
Впадая в фантастический вираж.
Я — каскадёр. Я — не такой, как все.
Я — фантазёр, я — дегустатор риска.
Вы видите, в глаза мои со свистом
Впивается горячее шоссе.
Я — продолженье гения актёра,
От кинокамер прячу я лицо,
Когда меня свистящее лассо
Рвёт из седла по воле режиссёра.
Я продолженье гения.
Я рад, что жизнь не чёрно-белая банальность.
Там, где пасует ваша гениальность,
Танцует на канате акробат!
Смотрите, Вы не видите обмана.
Когда герой спасён (он на земле),
Он дарит вам улыбку супермена,
Я продолжаю где-то за экраном
Карабкаться по выжженной скале.
Сейчас за тем бугром я поскользнусь,
Ущелье — как дымящаяся рана!
Но и тогда я к вам не повернусь,
Я улыбнусь себе — не для экрана».

Часть 5. ДМБ. КАМЧАТКА (Олюторский залив. 1972 г.)

«Друг мой! Прибыл я, наконец, к месту назначения. Конец земли. Дальше — одни океаны. Блаженство. Ян топит печку. Сходили, постреляли из ружья. Четыре черных бушлата на фоне прибоя. Берег очень хороший, песчаный и пологий. Языками пена. Полуостров. Четыре дома, пять собак. Все разрушенное и ветхое. Будем ставить невод на красную рыбу. Через 3-4 дня уйдем на постановку. Там глушь вообще — туши свет. Хорошо здесь, белые ночи начинаются. Покупайте в кредит книги в Хабаровске. Я приеду — расплачусь. Писать мне пока некуда».

«По спискам он значился — Век.

Он поднял железные веки:

Отовсюду сбегались калеки,

Безмолвное море калек.

Смыкались тесней и тесней,

Тащили с собою убитых на гору,

Где солнце над ней

Кружилось, покинув орбиту.

Тащили убитых с собой,

Текли молчаливой гурьбою,

И солнце закрыли собою,

Своей молчаливой толпой.

Ха-ха! Металлический труп.

Смели синтетический лагерь,

И дымы из каменных труб

Летели, как чёрные флаги.

И он задышался в дыму.

Ослепший, оглохший от крика.

...и кто-то в подошвы ему

горячими иглами тыкал.

В литературно-художественный и общественно-политический нерегулярный журнал "Суматра" от собственного корреспондента в раздел "Литературная критика" 4 июля 1972 года. Олюторский залив. м. Грозный, б. Сомнение.

Сначала Е. Евтушенко просто писал стихи, "жонглировал", по его выражению, "пустотелыми гириями риторики". Этот период характеризуется им также фразой: "Понамарал я столько чепухи". Потом Е. Е. открыл для себя такое понятие, как "гражданские стихи". Я не знаю, какие еще вещи в жизни Е. Е. пришлось понять и прочувствовать, но тот факт, что понятие "г-сти" возводится им в какой-то высший принцип, основное в поэтическом, мне говорит, что это единственная эмоция, которая его ведет. Меня поражает та легкость, с которой он со всем этим прощается как с "чепухой" (и т. д.)».

«Мой друг! Пристал я временно к мысу Грозному, что в Олюторском заливе. Обстановка благоприятная. Живем 18 человек и одна собака и одна "Спидола" в палатках, которые я немедленно изрисовал углем. Будем ставить здесь невод. В который ловить красную рыбу. На МРС мы опоздали вследствие длительного пребывания в Хабаровске в различного рода пивбарах. К вопросу о причинах и следствиях — все места забиты. Работа, между прочим, вполне в вашем вкусе: 2.500 мешков по 100 кг с песком 10 раз сгрузить и 10 раз погрузить. Не только заниматься чем-то посторонним, но и думать некогда. Вследствие этого не могу Вас порадовать изящными строками. Примерно через 1,5 недели поставим оба нэвода полностью и будем кэй-фовать. Полезу на Грозный (400 метров), изумительная скала. Миллиарды чаек. Очень наглые. Устроили здесь птичий базар. Охота хорошая. Медведи и нерпы. Сегодня ловили рыбу. Поймали 15 штук, получился 1 мешок. Кончим мы все это дело к 1 августа. Потом погудю немного и буду ломиться в большой флот. На РээСы или СРТ. Базироваться буду в Питере. Вот, собственно, вся информация-с. Пиши на О.К. Возможно, доставка с оказией. А можете и не писать. На этом я заканчиваю с Вашего позволения. Вставать в 3. Ночи здесь белые, ловим погоду. Здесь все время волнение.

Синтетика вторгается в наш быт.
Соединять — блаженное искусство.
Но в мыслях обобщений, ах, не густо,
Анализ разъедает наши лбы.
Анализ — в глубь дрожащего листка.
Анализ — пусть сужается строка.
Анализ — до последнего мазка!
Анализ — до начального толчка?
Анализ "то" — два скальпеля и — "ска".
Анализ — "гру", два скальпеля и — "стно".
Ещё нажим, на полжеланья, — "пусто!"
Он доведён до бешенства, до хруста
В извилинах, до ломоты в висках.
Эксперимент. Ещё один заход.
Давайте будем нравиться цилиндрам.
Давайте будем думать, что восход —
Не совершенство, жалкая палитра.
Мы долго были гвоздиком в подошве.
Давайте будем мастера искать,
Меж минусом и плюсом, как в тисках,
Задерживаясь чуточку подольше».

«Мой друг! Вы меня как-то слегка обескуражили своим письмом. Вы, как я понял, очухались, если можете ходить за моим письмом на Ха-37. А я, признаться, уж ждал казенного уведомления о Вашей кончине. Это во-первых. Потом мне не нравится тон, который Вы взяли в своем цикле. Не понравилось мне и название. Последние высланные Вами строки отнюдь не самые худшие строки, я ведь знаю Вас как автора незабываемых "Гойда"... Впрочем, должен Вам сказать, что мне наскучил и Ваш, и мой тон писем, т. е. не тон, а манера, и тот круг интересов, в котором все это вращается. Хотелось бы поговорить с Вами о чем-нибудь серьезном, заострить, так сказать, внимание на некоторых аспектах... Собственно, я хочу даже не этого, а только хотел написать об этом (что и сделал), ибо весьма трудно беседовать на таком расстоянии посредством писем (а приехать ко мне Вы не можете, что очевидно). А жаль, что Вы не можете. Скоро

придет и мое ДМБ, и шансы на встречу за бутылкой московской водки неизмеримо уменьшатся, и, возможно, разойдутся наши дороги навсегда. Т. е. мы можем разок-другой общнуться оболочками, но это будут, по всей видимости, мимолетные встречи. Тем не менее я как преданный подданный "Суматры" посылаю часть накопившегося для нее материала в различные разделы. Если Вы все-таки надумаете приехать на берега Императорского залива, то всегда там найдете радушный прием».

«Императорский залив (борт эсминца "Бесшумный") (до 23 февр. 72 г.). Дорогой друг! Внимательно перечитав Ваши предыдущие письма и только что полученные, я делаю вывод, что у Вас за всем этим потоком слов о ранней старости и проч. действительно есть что-то непотребное (я вообще говорю Непотребное, с большой буквы, понимаете?). Почему я осторожно и туго подхожу к этой мысли, потому что Вы — большой артист, жонглер, и, надеюсь, понимаете. И еще потому, что Вы в годы моей юности склонны были чувствовать не то, что чувствовали, а то, что хотели бы, но это грех небольшой. Земля знает грехи и более тяжкие и не проваливается под грешниками, которых Вы бичуете в последних письмах. Какая-то неудовлетворенность в Ваших письмах, усталость — я ко всем этим словам отношусь осторожно, потому что мне, как и должно быть, кажется, что я один знаю цену вышеозначенным понятиям. Мне очень лестно выслушивать Ваши отзывы обо мне как о стихотворце, но, немного углубившись в это, я заключил, что это чувство — лишь удобоваримая для человека форма чувства, которое трудно чувствовать в чистом виде. И еще немного поразмыслив над этим, я сформулировал в близкой к истине форме в словах — мне приятно, что Вы способны ценить и видеть в зарождении то, что поставит на ноги советскую поэзию, которая как слепая мышь. Вы не должны думать, что относитесь ко мне с предубеждением или что Вы несколько глупы. Вы присутствуете при восхождении новой звезды. Не сомневайтесь в этом и успокойтесь. Вы должны только в меру сил поддерживать молодой гений. И большее внимание уделять деловой критике. В форме пародий (понятие, которое у Вас котируется как ругательство). Имею

в наличии для "Суматры" несколько произведений. Форма — старая. Вам известная. Содержание — принципиально новое. И это самое грустное».

«Борт эсминца «Бесшумный». Дорогой Друг. Узнав из Вашего письма о Вашей привязанности к Вознесенскому как поэту, я решил написать вам на память стих, творчески вобрав в себя достижения этого новатора и переработав их (тоже творчески), я решил идти дальше. И решил писать в два цвета. Для пущей наглядности. Новому содержанию, подумал я, новую форму.

Стихи о телепатии, которая в теле от апатии

Полная апатия. Мысли появляются,
то ли углубляются, то ли разветвляются.
Это т е л е п а т и я от безделья м а е т с я,
Значит, телепатия в теле т е л е п а е т с я.
Ел е т е л е м а е т с я, в теле еле мается,
В воздухе — кончается, в возгласе — ломается.
Я хочу п о й мать ее, эту теле п а т и ю,
если в теле, м а т ь е е ,
значит нужно мять ее, выливая в формочку —
в рифмочку на форточку?
Или п е т ь а п а т и ю?

Высылаю Вам денег в виде билета, который я никак не могу проверить. Выигрыш можно пустить на "Суматру", а на остальное купить себе штаны».

«Бессонница преследует меня вот уже который день (ибо флотская специфика, сами понимаете) и ночь тоже. И вот решил я написать Вам письмо. Что-то беспокойно мне стало на белом свете. Прямо не могу. Обычное состояние (объевшегося бегемота) легкости и веселия, сопутствующие с небольшими перерывами вот уже почти 22 года, покинули меня и упорно не хотят возвращаться. Мысли одна чернее другой, как зловещие птицы, кружат

в моем изможденном мозгу, желая одно другого прекрасней в своей нелепости, вспыхивают, пропадают и вспыхивают вновь, как сверхновые звезды на холодном дне Вселенной ямы, в темных лабиринтах мозга моего. Я зову на помощь свой рассудок, весь свой жизненный опыт и опыт всего человечества, чтобы разобраться в мелькающих мимо меня видениях, напоминающих обращенные в краски конвульсии бесноватого, я взываю к логике — она саркастически улыбается и молчит, я зову на помощь чувство — женщина в полувоенной форме с огненными волосами величественным взмахом руки распахивает передо мной новые и новые лабиринты, в которых бродят молочно-белые скелеты с горящими глазами, а она адским раздражается хохотом и кричит, заглушая криком пронзительно свистящий ветер — вот во что я превращаю ваше желание, и золотой перст ее, указующий и величественный, сверкающим шпилем всаживается туда... Я хочу уснуть, веки мои слипаются, тело мое, как рухнувшая поленница, падает на палубу, оно жаждет сна, но мозг мой, как громадная, разросшаяся машина с нескончаемым заводом, включает в ход все новые и новые шестереночки, гаечки, болтики и шурупчики, звуки, звучки, стуки, шевеления, и нанизывает их, и нанизывает их бесконечно на сверкающий шпиль, который всепроникающая идея и всажен туда... Я окружаю себя, как броней, улыбкой человека, которого ничем не удивить, но полчища маленьких и неуловимых устремляются на нее с подножья и разъедают его прежде, чем упрочится вершина. "Боже! — молю я наконец. — Зачем мне все это, маленькому человеку, избави меня от мук земных и дай мне насладиться радостями земными, ибо ты милосерд. Дай мне немного и глупенького, чтобы я не уставал его начинать. Чтобы лес был лесом, хлеб хлебом, вода водой. Чтобы маленькая обезьяна в парке зоо не мечтала стать королевой и маленькому мальчику в клетке напротив из города, в котором никогда не ходили трамваи, улыбалась она".

Так вот, дорогой друг. Может быть, это обычное состояние индивидуума перед неизбежной, как рок, демобилизацией. Вам-то хорошо. Вы прошли через это. Поделитесь со мной опытом. Ваш друг, подданный "Суматра", заболел давно дремавшей в нем болезнью "растроение" личности. Ярво выраженный случай. Положение усугубилось поэтическим восприятием действительности

обвиняемого и общим моральным истощением, как (застенки Михолапа дают о себе знать тоже, и снова грозят ему казематами Они) следствие долгого (2 года и 10 мес.) одиночества. Напишите мне скорее письмо. Длинное-длинное, на сколько хватит чернил. Я буду читать его долго-долго, и сон войдет в мою душу, как бог нисходит в долину, поверженных и смердящих исцеляя. Остаюсь искренне ваш.

...и еще, у меня к Вам очень большая просьба. На отдельном листике начертите мне план помещения на ж.д. вокзале, где расположены камеры хранения и план смежных отсеков. Посылаю Вам стихотворение, им предлагаю открыть раздел "Философская лирика". Предлагаю также открыть отдел "Потусторонняя лирика" и рубрику стихов, написанных в состоянии опьянения. Ну-с, пока все.

Мы затеяли игру
В очень длинную считалку,
Очень мрачная гадалка
Восседала на углу.
Очень тонкое растенье,
Даже страшно прикасаться.
В ночь уходит постепенно
Эта цепь ассоциаций.
Этот холод пить и пить,
Бить ладошкой друг в друга.
Стол. Окно. Бумага. Угол.
Сигарет должно хватить».

«... Вы опять надолго замолчали, и я решил написать Вам письмо, ибо писание писем в моем положении — единственное средство откупиться, как Вы говорили, применяя свою партизанскую терминологию, от обыденности (на 15-20 мин.). Ну, может быть, мои письма получаются слишком сумбурными или слишком сухими, так вы не обессудьте. Суть, как и, между прочим, вообще все кругом, нужно искать в "золотой середине". Очень жаль, что Вы тотчас не ответили на мое письмо, потому что, если Вы действительно хотите ко мне приехать, то нам нужно бы скорее кое о чем договориться. Тем более что по последним данным, меня в понедельник собираются отправить на гауптическую вахту.

А мне бы очень не хотелось этого. Ну-с, у нас все по-старому. Наши выиграли у поляков, а чехи у шведов. Значит "ничья" с чехами нас уже не устроит. А? Написал несколько стихотворений, при помощи копирки думаю поставить на ноги советскую поэзию. Одно прилагаю. Жду Вашей критики. Пятница 1972 года. Советская Гавань-8, в/ч 40622. (эсминец "Бесшумный").

О, было нам когда-то хорошо.
В зените солнце плавало над нами,
И пароход, как айсберг над волнами,
И ни гроша, конечно, за душой.
Мы просто так лежали на песке,
Смотрели, как рассеивалось солнце.
И сигареты догорали сонно,
Зажатые в забытом кулаке.
И теплота, и тишина кругом.
И только волны вспугивали чаек.
И три баржи, гружённые песком,
У пирса, словно клавиши, качались.
Мы к вышине, как птицы, возносились,
И плавали, как рыбы, в глубине,
Где водоросли медленно клубились
Тяжёлым дымом в мёртвой тишине.
За нами лес звенел на сто ладов.
Мы слышали, как медленно по сучьям
Карабкались жучков каких-то тучи
И полчища незримых муравьёв
Перебирались с веточки на ветку,
Тащили в норы зёрнышки добра,
И знали мы, что завтра, как вчера,
Случится чудо и наполнит светом весь,
До травинки, этот дивный лес,
И медленно и радостно окрест
Болезненная опухоль рассвета
Прольётся. И на розовой воде
Забьётся ночь, ослепшая от света,
Как будто крылья сломаны беде».

Часть 6. ПОСЛЕ КАМЧАТКИ

«22.11.73 г. р.п. Заринский, Алтайского края. Пиши на авось, можно попасть в самую точку. Сообщаю Вам, что нахожусь сейчас дома в Заринской. Камчатку покинул более месяца назад. В Хабаровске слез, походил по насквозь продуваемым холодным, неуютным улицам города, вспомнил былое. Вас я, конечно, не искал, т. к. знал, что Вы уехали "дальше". Мне сделалось что-то неуютно там и холодно так, что я даже не пытался разыскать Жигульского (и оказался прав, как выяснилось впоследствии). Я быстро прыгнул в ближайший ТУ и через 6 часов шел по улицам не менее холодного г. Новосибирска. Я здесь приболел слегка. Намеревался вылететь в Европу 28 окт., а вот уже 22 ноября. Залечиваю раны. 24-го, очевидно, выйду на старт. Начну наступление на Европу. Я ни разу не был в Европе. Я начну со столицы моей юности, С-Петербурга, постепенно буду спускаться вниз, до Кисенева. Связь будем держать по телеграфу. Аварийный канал — через Заринскую. Собственно, Вы, наверное, можете отложить недели на две Вашу поездку и подождать меня в г. Шостке, а я постепенно доберусь до Вас. Походил по Заринской, встретил несколько выцветших знакомых физиономий. В разные времена и разных местах выпил несколько бутылок с В. Моченым, который упорно набивался поехать со мной и к тебе, так сказать. Зачем и почему ему это нужно, не знаю, да и не спрашивал. Здесь скучно, холодно и неуютно и грязно. Вечером ходим с Володькой пить пиво в столовую, ему задробили службу до весны. Тоже хочет ехать со мной, но я его не беру. В Новосибирске был у Тамары. Познакомился с ее мужем и их сыном, порхают вокруг него, как голубь с голубкой, и выглядят усталыми, но довольными. Незарубцевавшие шрамы на моей физиономии не позволяют непринужденно гулять по улицам, и поэтому я целыми днями сижу дома. Необходимость день за днем откладывать поездку делают мою жизнь какой-то неопределенной, скучной, сонной и нудной. Далее: стихи Ю. Мориц ("Опустели дачи, отсырели спички"). Да, единственно, что мне действительно никогда не надоедает, это читать хорошие стихи, и вообще — книги, а потом лежать и думать об этом. И опять читать. Ах, ах... Как бы сделать из этого профессию. До скорой встречи».

«Питер. Морской порт. Докер.

Я захотел написать Вам письмо и поднял свои архивы, чтобы оживить в памяти Ваш светлый образ. И случайно, копаясь в Ваших письмах, натолкнулся на письма некоего Жигульского, офицера запаса. Они привели меня в совершенный восторг и смущение. Посмотрите, как излагает этот юноша: "...делать общее дело, а без этого все мура. Трепыхание. Нужно бороться. Да, именно, бороться! Посему нужно знамя, красивое знамя. А делать его — процесс трудоемкий". Каково? Какова страсть, напор, сила мысли. Какой простой и мужественный стиль! Да, скажите, чем он там занимался, в этом пыльном поганом городишке Хабаровске, кроме как слонялся по пивбарам и отважно лорнировал местных дам? Но я все это шучу, Миша, шучу. Простите мне. Это просто манера шутить. Миша, я непременно начинаю впадать в риторику, съезжать куда-то. Я не так зол, как это может показаться. Жизнь сделала меня отчаянно добрым. А письма Ж-го действительно очень понравились мне. И что же делать-то? Как жить дальше, Миша? КАК жить, черт побери. Я растворился уже полностью, я совершенно не могу понять, чего я хочу и что мне надо. Мои желания, как в моем стихотворении, подобны вспышкам. Я давно уже, как Вы выразились, иду по второму кругу, я все же ощущаю, как с каждым годом все прерывистее и х р и п ш е делается мое дыхание. Я совершенно измучен. Кроме того, меня последнее время стали раздражать снующие вокруг гадики. Это хапужики-накопители от социализма. (Просто невозможно ни с кем нормально поговорить.) Раньше не было у меня такой раздражительности. Каждый новый проч. автор сбивает меня куда-то в другую сторону, а завтра все начинается сначала. Это меня изнуряет. Раз и навсегда ослепленный идеальной мыслью, я уже не могу всерьез относиться ни к чему, что не включает эту мысль. А ее включает только она сама. И она же — все. (Так, кажется.) Иногда мне удается обрести устойчивое состояние. Мне очень понравилось мое стихотворение "Моя душа пустынна, как пустырь". Неизъяснимое удовольствие мне доставляет созерцание портрета А. В-ского в "Юности", где опубликованы его стихи "Птица" и "Письмо Маяковскому". Как Вам известно, ранее относясь с сомнением к этому тов-щу, я, после того как увидел

эту потрясающую фотографию, совершенно уверовал в него. (Скажите, бывает ли так?) Какая сила, какой лоб мудреца, какая великая грусть в глазах и опущенных углах рта. Какая-то скорбь и сила. И как-то сверху (И взметнувшиеся крылья плаща). Какая-то одному ему известная мысль, великая и грустная, как будто мысли всего человечества собраны в высоком лбу. Еще ни одна фотография, портрет не производили на меня такого глубокого впечатления. Если Вы слышали его собственное исполнение "Гойя", "Мастера"... Наверное, с таким лицом он читает их. И как великолепно у него срывается голос в кульминационных местах, где прочие начинают кричать, подвывать и декламировать. Видите ли, в чем дело. Существовать, конечно, интереснее, имея цель. Но цель должна вбирать в себя все оттенки и закоулки человеческой души. Все остальное — трепыхание. Я склонен считать, что кончается время отступничества, затворничества, пожертвования себя, исключая некоторые аспекты в сознании. И самый основной — смерть. Короче сказать — мы можем позволить себе копать глубже. Вполне коммунистический лозунг. И оттуда — коммунистический реализм. Единственный движитель поэтического творчества — тоска по телесному бессмертию. А оно будет возможно не достижениями медицины, а совершенствованием мозга до практически нестарения в том числе. Что поколения даже за 30—50 лет поменяют мозги даже у Ньютонов и Коперников. А это поколение включает все благородные черты, которые воспеваются поэтами: мужество, когда Родина в опасности, благородство, когда кругом разврат и пр. А непосредственно воспеть саму идею... Кто ее воспевал? (Я встречал только у Ю. Мориц.) Да, не знаю, интересны ли Вам эти соображения вообще. Но я думаю, что в общих чертах Вы согласитесь со мною. Да.

Моя душа пустынна, как пустырь,
В ней места нет ни саду, ни разбою.
И поднял я тогда над головою
Какой-то жезл, нелепый, как костыль.
Как чёрный флаг. Грохочущий, как жечь.
Как лист железа, в пекле устоявший.
Глаголу быть обозначает — жечь.

Так значит, сжечь с поверхности гудящей.
Ватаги, толпы, шествия, оравы...
Куда вы, образумьтесь на постой.
Поставьте дом на местности пустой.
Но все её обходят, как потраву.
Подшвы жжёт окаменелый дёрн.
Средь разнопенья и средь разнотравья
Она лежит лепёшкой безобразной,
Но дышит паром, как потухший горн.
И центр круга, спёкшийся в кристаллы,
И тёмный край, оплывший и пустой...
О господи! Всё говорит за то,
Отсюда мысль когда-то стартовала!
А сам, ненужный, как металлолом,
Я в стороне до времени слоняюсь,
Хандрю, болею и уединяюсь.
Я замышляю новый космодром.
Здесь будет град, здесь будет снова гром.
Здесь будет грим с земли срываться грубо,
Затем чтоб обнажить под ним
Её всегда тоскующие губы.

На этом до свидания. Искренне Ваш: Л-д -35, Двинская 8, корп. 2, кв. 23. к. 18. П.С. Иду в пивбар говорить за жизнь, читать лица людей».

«Позвольте поделиться с Вами мыслями. Да. Вообще, я бы сказал так: позвольте с вами поделиться мыслям. Но почему русский язык требует писать именно "мыслями"? Нет, Вы представляете, какая нелепость? А потом: почему поделиться? Делиться можно хлебом, сигаретами. Их от этого становится меньше. А мыслей — наоборот. Поделишься с одним, глядишь, уже стало две. А как лучше сказать? Позвольте поплавать с вами в водоемчике моей идеи? Или: позвольте размножить в вашем экземпляре мое соображение? Человек мыслит словами. Так говорят. Я совершенно против. Человек мыслит стержнями идей, а мычит — словами. А слова так далеки от стержня, что набор слов, который

соответствует определенному сопряжению стержней, проходит в мозгу принимающего, совершенно не возбуждая в нем соответствующих стержней, а перерабатывается только оболочкой. Например: Эйнштейн вошел в лес и задумался. Я уверен, что человека с немного обостренной чувствительностью эти слова могут свести с ума, если они не просто скользнут по оболочке, а стержни этих слов вызовут в приемнике так же стержневые эмоции. Если этот человек немного знаком с теорией относительности, бывал в лесу и склонен задуматься, то эти слова могут в нем попалить все предохранители, и, я повторяю, сойдет с ума. Вы только подумайте: Эйнштейн!.. Сразу вспыхивает в мозгу гениальный физик, перевернувший вверх дном мир. Единая теория поля, над которой он бился последние годы, сокращение пространства. Какая сразу буря вспыхивает в мозгу при упоминании этого имени. Какие громаднейшие вопросы сразу оживают в памяти, ставятся на ребро, как открывают книгу, как взвинчивается сразу мозг, как начинает лихорадочно работать, пытаюсь снова постичь те истины, которые открыл этот гений. Мозг уже стоит на пределе, на грани своих возможностей, он пытается себе представить, как не течет время при скорости = 3×10 в пятой степени км/сек. Потом он читает: «Вошел в лес...» Господи, все, все, что было в человеке гармоничного, целенаправленного, уравновешенного и спокойного, все оживает в нем при слове лес и наполняет его чувством завершенности, принадлежности своей к чему-то непостижимому, непонятному, но только непременно прекрасному, величественному и гармоничному, которое не давит, не уничтожает тебя, но наоборот, придает смысл твоему существованию, которое секунду назад безнадежно падало в пропасть логических схем и физических понятий. Вот это ровное, струящееся сверху, наполняющее тебя смыслом и гармонией, вдруг сшибается в тебе с тем, что всколыхнулось в тебе секунду назад при слове «Эйнштейн». Что же будет, что же будет... Э-йн вошел в лес, Э-йн вошел в лес. Эйнштейн и ...вошел в лес. Одно присутствие в мозгу двух этих идей мгновенно высушивает его. И вдруг: ... и задумался. О чем? Как бичом хлещет. О чем, как он, держащий на своей ладони как пять пальцев изученную им свою теорию, мог думать сейчас, осененный этим великим спокойствием и равновесием.

Это совсем невозможно, непостижимо понять. И мы, читая, видим: седой старикашка с авторучкой за воротом свитера входит...(лист утерян). лист найден: ...в рожицу, садится на пенек и, может быть, начинает ковыряться в ухе. Я соглашаюсь, конечно, что логический способ мышления был более надежным, из века в век вытесняя нелогический. И пращур думал, щуря глаза на жиденский закат: «А не вырыть ли яму там, где они ходят на водопой. Выроем яму, они будут идти пить и падать в нее. А как полная нападает — хорош». А когда действительно так и получалось, на другой день на требования одного чудаковатого увести племя за реку на ночь из-под скалы, под которой жили, он знал, что все это мистика, сколько ни жил, не видел, чтобы горы падали. Ночью случился обвал, и всех придавило. Так вот я и бросаю лозунг "Сквозь тернии к звездам!"».

«Здравствуйте, Миша! В Шостке, на Главпочтамте лежит мое письмо к Вам, т. к. я забыл позорно Ваш адрес, полученный мною дома. А также лежит письмо, которое прислал мой дор. брат. Да. Я осел в Петербурге. Не стану описывать Вам этот город. Работаю в мор. порту грузчиком=портовым рабочим=докером (как Вам угодно). Если хотите — приезжайте, жить тут, наверное, можно. Есть фирмы, которые берут иногородних холостяков. Дают общежитие. Ко мне можно добраться так: от Московского вокзала на 22 автобусе до конечной (в сторону порта). Сойдете у старой церкви, пройдете по левой стороне по ходу автобуса до первого угла, свернете налево, упретесь в магазин, захватите бутылку вина и в открывшийся один из двух небоскребов, слева, войдете. Дальше — знаете сами. Высылаю Вам стихи.

На железные цепи оград,
На чугунные листья балкона
Из прищуренных глаз фараона
Отрешённо идёт снегопад.
И, отброшенный снегом назад,
Пробивая клубящийся холод,
Погружается праздничный город
В полутёмный, томительный "град".

Это кто промолчал: Ленинград,
Тихо крадучись в свете фонарном,
По его площадям легендарным,
Если сверху холодным, бездарным
Он неоновым светом объят...
Но не будем об этом грустить,
По пустым площадям Петербурга,
Пролетая в блестящем такси.

Адрес тот же: Л-д, ул Двинская, 8, 2, 23, к. 184».

«Здравствуйте, Миша! Вы очень милый молодой человек. Наша переписка грозит вылиться с Вашей стороны в подробные карты городов, где Вы бываете, а с моей — в описание подсвечников. Начнем с подсвечников, оставляя остальное для дальнейшего развития. Очень жаль, что Вы не можете посетить мою штаб-квартиру. Лучшими подсвечниками являются экстравагантные пустые бутылки из-под импортных напитков. Чтобы подсвечник принял надлежащий вид, на нем предварительно на легком сквозняке сжигается несколько свечей различного цвета. Лучшее сочетание дают красная, белая обыкновенная и желтая свечи. Получаемые сталактиты (или сталагмиты) совершенно изумительны по форме и бесконечны по содержанию. При таких подсвечниках даже телефонная книга может показаться произведением искусства. Кстати, о "М и М" Булгакова. Если Вам угодно. Дальше того, что Вы мне процитировали, "В белом плаще..", меня больше почти ничего не тронуло, исключая несколько юмористических сцен. Я, конечно, приветствую, но только в сравнении с прочим. Я, видите ли, как-то не пойму, какое автор получал наслаждение от того, что он писал. Я как-то не пойму, какая у него была внутренняя необходимость именно вот так писать. Понимаете? Я как-то не уловил, что в нем есть такого, что не позволяет ему писать так, как, допустим, А. Горький, основоположник соц. реализма, а заставляет его избразить кота, хлещущего водку. Вы скажете — призма. Но у настоящего мастера призма — не просто от ... призма (это только сначала бывает), а как-то им самим на протяжении лет сооруженная система. И вообще, должен сказать, мне довелось читать Хэмингуэя

и Анчарова (кстати, после Хэмингуэя я могу читать только Анчарова). А после них все — как вино после чистого спирта. Возможно, я подхожу со слишком поэтической точки зрения, но если что-то не выдерживает такого моего угла зрения (я имею в виду, из того, что написано пером), то, естественно, выпадает в другую оперу, это не "изящная литература". Ну да ладно, Вы меня поняли. Далее. О кухне я имел в виду, что Вы меня неправильно поняли, мою главную мысль. О том, что искусство стоит не только на утверждении жизни, Белинский говорил, что оно только отбирает из жизни золото, крупинки, сгребает их в кучки — и вся его задача. Но по диал. логике причина развития есть наличие двух противоположностей. Если вульгарный термин "жизнь" заменить термином "материя" и взять это во времени и в движении, а термин "смерть" заменить (исходя из предположения физиков, что пространство дискретно) тем нечто, что существует между "точками пространства", и взять это без времени, в мгновении, то мы получим две противоположности: 1. развивающаяся во времени и пространстве материя; 2. то "нечто", идеальное ничто (которого по ночам пугаются дети и мы пугались и пугаем иногда). Согласитесь, что фундаментальной причиной развития мира и является именно единство и борьба этих двух фундаментально противоречий: "все" и "ничего". Это ж вполне реальная вещь, если не забывать о том, что пространство искривляется, может замыкаться само на себя, галактики раскручиваются, стремясь заполнить пустоту (а это раскручивается вещество и поле), вероятнее всего, что это раскручивается наше трехмерное пространство (4-х), может, переходение со всеми нашими потрохами какими-то сдвигами в иных слоях. А вернее всего, наша эволюция — эволюция пространства от мало- к много- мерному. Итак, если взять эти две противоположности, то нелепо и нереально то искусство, которое питается одной противоположностью — жизнью, и роль его сводится к утверждению ее. А что ее утверждать? Она есть. Такое искусство не было бы искусством, оно не открывало бы нового в том 4-мерном мире, который описывается законами логики (2-полярной: + и -). А вот именно опираясь на две противоположности, оно и живет тем, что угадывает то, что брезжит впереди пространственного измерения. Вот в этом я вижу, если хотите, сущность и природу всякого словотворчества.

Разрешение всего, конец немислим без расщепления пространства. И выход в иное, с иным измерением, а следовательно, иной логикой, которую и нащупывает искусство. (Между "да" и "нет".) Собственно, я почти ничего нового не сказал, но мне кажется, если таким образом сопоставить науку и искусство, то многие криво-толки и противоречия можно снять. В частности, если "чистое искусство" рассматривать не просто, а подсознательно имеющее целью пробивать логический барьер. Просто, не имея в данный момент под собой никакой реальной базы, оно выглядит слишком оторванно. И вообще, столько недоразумений существует в печати о стихах только потому, что некоторые вещи не названы своими именами. Сколько вдохновенного пишется о внутреннем жаре, о том нечто, что составляет жизнь, о том нечто, что отличает статую от живой женщины, когда нужно некоторые термины из математики и физики перенести на искусство. Даются сотни определений прекрасного, а человек никогда не поймет, что это такое, пока в нем не случится "пробой" и не нужны ему будут определения. А если он еще с инициативой, то даст 101 определение. Вот я и говорю, что соц. реализм как метод, рождаясь из противоположностей только жизни, из борьбы противоположностей только классов, открывает новое только в определенных рамках — это бесклассовое общество, а в бесклассовом, если он не станет опираться на две противоположности, превращается в фотографию первым, засыхает сам в себе как процесс, ибо для каждого развития нужны две противоположности. Ну да, сколько можно толочь... Я высылаю Вам черновой отрывок из моего лирического трактата "Коммунистический реализм". Повторяю — лирического. Обратите внимание на знаки, там еще есть про Вас. Примите за комплимент. Далее. Так вот я и увидел, что когда зашел вопрос о том, что нужно или не нужно это ст-е Слуцкого, вы с Усть-м сняли такую постановку вопроса, объяснив все призмой. Вы не приняли вопрос "зачем?". У меня это такой же вопрос, как и "где и почему?". Это же нормальный вопрос, устремленный в будущее. Наступить на горло сейчас так же нелепо, как было необходимо наступать. Наступите себе на пятку. Положительно отвечаю, Миша. Во-первых — я стар. Во-вторых — мозг это чердак. И мне бы не хотелось захламлять его ненужными вещами. Да я и не чувствую осознанного желая что-то

туда тащить. Мне все скучно, честное слово, кроме стихотворения А. В-го "Муравей". Я не могу пару слов сказать на языке учебника. А Вы хотите, чтобы я прочел массу книг скучных, запомнил массу цитат, формулировок, совершенно противных мне. Кроме того, я ленив. Нет, организованного учения я не осилю. Думаю заняться составлением карты "Мировой истории" и "Историей искусств". И вообще — магией. Обстановка складывается так, что не смогу приехать полмесяца и даже месяц. Миша! Так невозможно жить: Вы не чувствуете, как История стоит за нашими спинами и горячо дышит в затылок?! Напишите, пож., свои планы на месяц, год. Как-то надо все организовать. И уж никак мне не хочется махать Вам синим языком».

Часть 7. МОСКВА.

«Как Вы живете? Я живу хорошо. Познакомились сегодня с тов. Поделковым. Ну... Скажу я Вам. Я, конечно, несколько иронически и предвзято относился сразу. Почему-то. Но действительность превзошла все мои ожидания. И если Вам будет интересно выслушать мое мнение, то Вы, конечно, читая, для объективности будете сбрасывать 70% на мою некоторую экстравагантность моего мышления, но уверяю, этого делать не надо! Это мнение большинства учеников семинара. Во-первых, тов. Поделков раздавил (где слегка, где просто прошелся) все дорогие мне имена. Из советских не назвал никого, кто бы стоял с ним рядом. Честное слово. Такой вывод все сделали из его где прямых отрицаний, где сомнительных мычаний, где намеков (толстых). зачеркнуто. (негодование движет моей рукой). Погладил Липкина за новизну, "студеное солнце" и т. д. Того Липкина, который пишет "златокудрый и огнекрылый". Миша! Он все положительное цитировал из себя (на столе сборник с закладками) и 1/2 времени рассказывал о себе, остальное время — хаял и хаял современную поэзию (Возн. и Ахм. особенно). Я был в легком шоке. Когда я выходил читать, садился на стул, чуть не сел мимо стула. Честное слово. Чуть не упал. Что весьма развеселило аудиторию. Представляете вариант. Официально как поэт я начал с того, что чуть не упал со стула. Как Пушкин.

Как Пушкин! Ха-ха-ха! Вот. Конечно, в этом семинаре мне места нет. Потом я пошел на семинар Михайлова. Там мне очень понравилось. Весело и делово. Мне там тоже предлагали прочесть, но я не стал отнимать времени. И к доске там читать не вызывают. Говорил я с Г. И. Седых, ассистенткой. Сейчас надо написать заявление по переводу в другой семинар, и когда перескакну в Москву, буду ходить к ним. Вы, Миша, меня извините за обилие информации... Я от Вас не получил еще ни одного письма. А сам все пишу и пишу. Как здоровье О.П. и А.М.? Мальчик будет долго кричать, но это естественное явление, забыл, как называется. А еще никогда не пеленайте без надобности ребенка, ибо это пережиток, пеленали крестьянки ребенка, оставляя на меже во время жатвы. Прошелся по каталогам библиотеки (институтской). Хорошо. Думаю сходить в журнал, снести стихи. В "Знание-сила". Да? Уж садиться мимо стула так садиться. Ну-с все. Желаю Вам всего хорошего.

Ждали от Поделкова все чего-нибудь такого.
Видим же Поделкова, человека мелкого.

Слоняюсь я по Переделкино, такая глушь на дачах сих.
Подозреваю, что Поделков переселяется в других».

«...Пишу Вам на лощеных бумагах. С вод. знаками. Вс. историю продал+нашел кошелек (весьма фигуральной конструкции), а в ем — 4 рубля. Так что денег теперь навалом. Устроился кочегаром в ЖЭК-2. От остановки станции "Аэропорт" — 15 мин. автобуса. На 160 авт. до остановки "Тишинский райсовет". А там ул. Циолковская, №9, кв. 22. Еще не живу, но завтра вселюсь. В доску расшибись — Люсю не мог встретить, вечером как раз решалась судьба. Урванцев пьет как дурак. Вчера с каким-то типом занимал у Б. Ахмадулиной 18 р. в "Лире" и пили. Кошель прежний. Автограф еще не достал. У дядьки в субботу пельмени и водка. Приедет его друг с 30-х годов. Работает в АПН редактором какого-то отдела по Востоку. Д. Сказал. Не знаю. Мог и соврать. В субботу познакомимся. Юсуф Аликубеков был на прощанье с Шукшиным. Юсуф говорит, что было море народу. Из-за венков не видно было тела. И т. д. Это хорошо. Впрочем,

читайте прессу. Больше у меня никаких новостей нет. "Воренок". 9.10.74. Тушино».

«...Вознесенского потерял. Пью беспробудно. С работы выгнали. Еще остался должен 199 рублей. Все деньги пропил. Сплю где попало. Околачиваюсь на Мосфильме, снимаюсь в массовке. Что еще? Мой хозяин, которому я заплатил за полгода, уехал. Совсем. Кофе нигде не продают. Вчера угнал машину, задавил корову. Пришлите 199 рублей. Это я пошутил. У меня все хорошо. Сегодня был в отделе кадров. Сказал, что мой брат, начальник отдела кадров завода, сидит в тюрьме за соучастие в убийстве с другим моим братом, летчиком-испытателем, третьего моего брата, инкассатора, сунул, не раскрывая, журнал "И. Л.", вот здесь, говорю, написано про это. В Л-де погоды стоят хорошие, но я совсем ничего не пью, только немножко пива, уж очень истосковался. Уже постирал один свитер, завтра постираю другой. Купил двое часов и эл. пиш. машинку. Возского держу в сейфе. Ключ от сейфа на ночь кладу в другой сейф, а ключ от этого сейфа на ночь глотаю. Так что ни один Штирлиц не выкрадет. В библиотеке украл психическую книгу Леви "Погоня за мыслями" и уже читаю. Читаю еще одну пс. книгу "Проблемы психофизики". Там очень много формул и графиков и автор пишет о дискретности нервных квантов. Ну, мне пора идти, подошел грузовик с растворимым кофе. Пойду таскать».

*Стихи, найденные на отдельных листках
без указания даты*

Мы не будем творить аналогий,
Всё вмещается в несколько строк:
Невозможно застыть на пороге,
Невозможно шагнуть за порог.
Между двух размагниченных строк
Громоздятся такие пороги,
Что твоё ощущение дороги — злой порок.
Полыхают такие моря, единицы с такими нолями,
Что уже не назвать их морями и не держат уже якоря.

***

Кто сказал, что мир — загадка? Диоген,
залезший в бочку?

Диамат, растущий в кадке, этим тоже озабочен.

Холод гадкий, вечер длинный. Вечер длинный.

Холод гадкий.

Но жила во лбу Вселенной гениальная догадка.

Так во сне бывает сладко, если снится волейбол, —

Зависаешь над площадкой, оттолкнув ногою пол.

И урок чистописанья рассыпается, как мел.

Так естественно летанье, как же раньше не умел?

И, нарушив постоянство без особого труда,

раздвигается пространство и рождается звезда.

Кто сказал, что мир — загадка? Он совсем наоборот —

Гениальная отгадка, грандиозный поворот.

Небесов — невпроворот. Написали — не пробиться.

По ночам кому-то снится следующий поворот!..